

Казанский (Приволжский) федеральный университет

На правах рукописи

Молчанова Анна Владиславовна

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ КРАСОТЫ
В ТВОРЧЕСТВЕ Б. ПАСТЕРНАКА**

10.01.01 – Русская литература

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук
профессор Саяпова А. М.

Казань – 2010

Работа выполнена на кафедре русской, зарубежной литературы и методики преподавания
Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор Саяпова Альбина Мазгаровна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор Прохорова Татьяна Геннадьевна

кандидат филологических наук,
доцент Гайсин Рахимзан Мухаметович

Ведущая организация: Казанский государственный университет культуры и искусств

Защита состоится «24» декабря в 15.00 час. на заседании диссертационного совета в Казанском (Приволжском) федеральном университете по адресу: г. Казань, ул. Кремлевская, ауд. 1311.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Казанского Приволжского) федерального университета (г. Казань, ул. Кремлевская, 35).

Автореферат разослан «19» ноября 2010 года.

Учёный секретарь
диссертационного совета

Р. Л. Зайни

Общая характеристика работы

Актуальность темы диссертации обусловлена наметившейся в современном литературоведении тенденцией рассмотрения творчества писателя сквозь призму одного, доминантного содержательного компонента с целью выявления целостности его художественного мира. Наиболее частотный подобный подход применяется в исследованиях литературы первой половины XX в. Как отмечает Ю. К. Щеглов в своей работе, посвященной творчеству А.Ахматовой, «по мере внимательного изучения, или медленного чтения, всего корпуса текстов автора <...> сходства <смыслового, сюжетно-ситуативного, лексического и т.п. планов. – А. М.> оказываются <...> многочисленными и разветвленными» и служат задаче «внутренней реконструкции наиболее общих и глубинных семантических величин»¹, лежащих в основе поэтического мира художника.

В литературоведении существует ряд работ, в которых отмечается значимость выявления доминанты мироощущения Б. Л. Пастернака для осмысления художественного мира поэта в его целостности. Так, английская исследовательница А. Livingstone говорит о радости как доминирующей эмоции в мироощущении Б. Л. Пастернака², А. К. Жолковский выделяет «чувство причастности человека в его сиюминутном существовании <...> к чуду единого, вечного и бесконечно огромного бытия»³ в качестве инварианта поэтического мира Б. Л. Пастернака. При этом, говоря о радости и гармоничности как основах мироощущения поэта, исследователи, за исключением А. К. Жолковского, не обращаются к языку описания, который становится способом репрезентации подобного типа мироощущения.

Предметом предлагаемого диссертационного исследования становятся художественная концепция красоты и формы ее воплощения в творчестве Б. Л. Пастернака.

Объектом исследования является творческое и эпистолярное наследие Б.Л. Пастернака. При этом в качестве **материала анализа** выступают наиболее репрезентативные тексты 1910-х – 1950-х годов, охватывающие частично лирику, прозу, драматургию, публицистику и эпистолярный жанр.

Цель данной работы – рассмотрение особенностей функционирования художественной *концепции красоты* в творчестве Б. Л. Пастернака.

Сформулированная цель исследования обуславливает постановку и решение следующих **задач**:

¹ Щеглов Ю. К. Черты поэтического мира Ахматовой // Жолковский А. К., Щеглов Ю. К. Работы по поэтике выразительности: Инварианты – Тема – Приемы – Текст. – М., 1996. – С. 261.

² Livingstone A. Some affinities in the prose of the poets Rilke and Pasternak // Forum for modern language studies. - Vol. XIX. – № 3. – July. – 1983. – P. 274.

³ Жолковский А. К. Инварианты и структура поэтического текста // URL: <http://rcf.usc.edu/~alikh/rus/ess/bib12.htm> (дата обращения: 12.08.2009).

- 1) анализ представлений Б. Л. Пастернака о красоте и их систематизация в рамках единой художественной концепции (исходя из принципа *единого текста*¹);
- 2) исследование динамики функционирования концепции красоты в раннем и позднем творчестве поэта;
- 3) рассмотрение мотивного, структурного и сюжетного уровней концептуализации феномена красоты в творчестве Б. Л. Пастернака;
- 4) изучение вариантов метасюжета² поэта как способов репрезентации пастернаковской художественной концепции красоты.

Степень изученности проблемы. Наследие Б. Л. Пастернака является одним из наиболее частотно исследуемых объектов в истории мировой литературоведческой мысли XX века. В ходе продолжительного и интенсивного изучения творчества Б. Л. Пастернака сложился ряд устойчивых представлений о мироощущении поэта и о специфике его художественной системы.

Ряд исследований связан с изучением биографии Б. Л. Пастернака (Е. Б. Пастернак, Л. Флейшман, Н. И. Иванова и мн. др.). Философские и эстетические основы творчества поэта оказываются в центре внимания в работах Р. Миллер-Будницкой, Л. Флейшмана, Л. Д. Малюковой, В. В. Заманской, А. В. Барыкина и др. Выделяется группа работ, обосновывающая включение творчества Б. Л. Пастернака в контекст определенной литературной

¹ Принцип *единого текста* обеспечивает широту охвата материала и возможность обращения ко всей совокупности произведений поэта. При исследовании художественной концепции красоты мы обращались в качестве равнозначных, наряду с собственно пастернаковскими, к высказываниям о красоте, формально относящимся к речевой сфере героев его эпических произведений (например, в «Повести» – прозаической части романа в стихах «Спекторский», и в романе «Доктор Живаго»), что представляется допустимым ввиду «монологичности» как одной из характерных особенностей прозы писателя. Е. Б. Пастернак указывает на то, что «критики нередко отмечали эту особенность <...> главные герои обрисованы отдельными нечеткими штрихами <...> их манера говорить не индивидуализирована, а их диалоги – по сути монологичны» (Пастернак Е. Б. Борис Пастернак: материалы для биографии / Е. Б. Пастернак. М., 1989. С. 604).

² По замечанию Н. А. Фатеевой, между произведениями одного автора могут возникать «отношения семантической эквивалентности. <...> Становится очевидным, что за этими текстами стоит некий инвариантный код смыслопорождения»². Способами реализации этого кода становятся в художественном тексте метатроп и метасюжет. Метатроп – это «семантическое отношение адекватности, которое возникает между поверхностно различными текстовыми явлениями разных уровней в рамках определенного художественного идиостиля»². В соответствии с этим можно определить метасюжет как сюжетный инвариант, реализующийся в различных текстах одного автора на уровне вариантных сюжетных схем и отдельных сюжетных мотивов (Фатеева Н. А. Содержательно-семантический и формально-семантический аспекты идиостиля // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Образные средства поэтического языка и их трансформация. М., 1995. С. 181).

(культурной) традиции (Р. О. Якобсон, Н. И. Харджиев и В. В. Тренин, М. Л. Гаспаров и К. М. Поливанов, О. А. Клинг, С. Н. Бройтман, О. Ю. Казимирчук).

Целостному рассмотрению поэтической системы Б. Л. Пастернака посвящены работы А. К. Жолковского, В. С. Баевского, В. Н. Альфонсова, Вяч. Вс. Иванова, Н. А. Фатеевой, С. Н. Бройтмана и др. Анализ особенностей поэтики отдельных лирических текстов представлен в работах Ю. М. Лотмана, М. Л. Гаспарова, К. М. Поливанова и др. Рассмотрению мотивной структуры произведений, а также отдельных наиболее значимых образов посвящены работы Р. Вроона, О. В. Евдокимовой и др.

Можно выделить группу работ, посвященных рассмотрению творчества поэта в «интертекстуальном» аспекте. Специфика пастернаковского цитирования исследуется А. К. Жолковским, К. Т. O'Connor, И. П. Смирновым, В. В. Мусатовым, И. А. Сухановой, Л. С. Борисовой и др.

Особую группу работ составляют исследования, связанные с осмыслением художественного мира романа «Доктор Живаго», его мифопоэтической основы (В.С. Баевский, Л. В. Соколова, Ж. Ф. Хакимова), системы интертекстуальных и культурно-исторических параллелей (И.П. Смирнова, С.А. Куликовой и др.), различных аспектов его поэтики (Б. М. Гаспаров, Т. А. Мегирьянц, Л. А. Колобаева).

Значимыми в контексте предмета данного исследования представляются работы, в которых рассматривается специфика пастернаковского осмысления творчества. Связь представлений поэта о творчестве с мифом творения отмечается В. С. Баевским и Л. Л. Горелик. По замечанию В. С. Баевского, мифологические истоки мировосприятия Б. Л. Пастернака проявляются в его представлении о творческом акте, соотносимом с актом творения. Предметом рассмотрения в исследованиях Л. Л. Горелик также становится проблема творчества: образ художника, этапы его внутреннего становления, эволюция темы творчества.

В связи с изучением художественного осмысления творчества в текстах Б. Л. Пастернака исследователи отмечали наличие метатекстуальных элементов в его поэзии и прозе. К рассмотрению метатекстуальности как одной из особенностей художественного мира поэта обращаются Вяч. Вс. Иванов, А. Е. Москалева, Т. Nyakas и др.

Новизна исследования определяется тем, что несмотря на продолжительность и интенсивность изучения творчества поэта в России и за рубежом, обоснование представлений о красоте как концепции, обладающей смысло- и структуропорождающим потенциалом в творчестве Б. Л. Пастернака, не становилось предметом специального исследования.

Теоретическая и практическая значимость исследования обусловлена тем, что выработанная методика рассмотрения красоты как авторского языка описания мира дает возможность концептуализировать этот феномен. Концептуализация красоты в качестве одной из доминант пастернаковского творчества позволяет выстроить еще один взгляд на целостный характер его художественной системы и может быть применена при анализе произведений ряда других поэтов XX в. Результаты исследования могут быть использованы

при разработке курса истории русской литературы XX века, а также специальных курсов, посвященных изучению поэзии.

Ведущим **методом исследования** становится структурно-семантический метод, позволяющий рассмотреть специфику художественной организации отдельных стихотворных текстов и поэтических книг, а также особенности пастернаковского метасюжета. В выборе данной методики мы ориентируемся, прежде всего, на труды О. М. Фрейденберг, В. Я. Проппа, Д. С. Лихачева, Ю.М. Лотмана, Вяч. Вс. Иванова, Е. М. Мелетинского, Д. Н. Ахапкина и др., которые составили методологическую базу исследования.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Взгляды Б. Л. Пастернака на феномен красоты, реконструированные на основе анализа его художественных произведений, публицистики и писем, могут быть систематизированы и осмыслены в качестве художественной концепции красоты.
2. Концепция красоты реализуется в едином художественном пространстве текстов поэта, определяя их структурный и семантический уровни.
3. Развертывание концепции красоты обуславливает образование устойчивых художественных моделей, прежде всего модели *книги*, которая на разных этапах творчества получает два различных варианта реализации – *книга как мир* и *мир как книга*.
4. Творчество Б. Л. Пастернака представляет собой единое художественное пространство, в рамках которого сюжетные схемы образуют метасюжет, реализующий представление о красоте как основе мироздания.
5. К наиболее устойчивым формам репрезентации концепции красоты на уровне метасюжета относится сюжет *о спящей / похищенной красавице*, который на разных этапах творчества поэта получает различные варианты воплощения.

Апробация работы результатов исследования проходила на конференциях разного уровня: международных («Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. IX Кирилло-Мефодиевские чтения» в мае 2008 г. и 2009 г.), всероссийских («Национальный миф в литературе и культуре» в мае 2009 г.), республиканской («Литературоведение и эстетика в XXI веке» («Татьянин день») в январе 2010 г.).

Структура работы определяется логикой исследования уровней реализации художественной концепции красоты Б. Л. Пастернака. Концепция красоты репрезентируется на всех уровнях пастернаковских текстов, что создает представление о гармоничности и упорядоченности мира. В предлагаемом исследовании основное внимание уделено рассмотрению структурного уровня произведений поэта, в рамках которого авторские представления о красоте реализуются через мотивную систему, структурную метафору и уровень метасюжета. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка.

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, определяется новизна, обозначаются объект и предмет исследования, формулируются основные положения, выносимые на защиту, а также цель и задачи работы, характеризуется степень изученности проблемы, указываются используемые в диссертации методы, дается общая характеристика пастернаковской концепции красоты.

Для Б. Л. Пастернака характерна тенденция систематизации собственных представлений о феномене красоты как в рамках художественных произведений, так и в нехудожественных текстах, в частности, в эпистолярном наследии. Основополагающие моменты авторской концепции красоты:

- универсальность представления о красоте, которое сочетает этическую, философскую и эстетическую смысловые составляющие;
- красота осмысливается поэтом как основание бытия и его собственного существования;
- представление о «долге» перед красотой становится для художника импульсом для создания произведений искусства;
- творческий процесс и его результат трактуются как форма, в которой художник может реагировать на красоту мира;
- красота начинает выступать как движущая сила, требующая созидательной активности художника в качестве ответной реакции на свое присутствие в мире.

Необходимо отметить, что для Б. Л. Пастернака значимо отличие нерукотворной (природной) и творимой красоты (красоты искусства). Восприятие, понимание и созидание красоты человеком становится возможным при включенности его в контекст жизни. Возможность понимать красоту обуславливается способностью отходить от заданности, догмы, которые обозначают иссякновение жизни, остановку движения. С одной стороны, человек как «произведение» природы включается в круг явлений, основой которых является красота, с другой, воплощением красоты, понимаемой как сущностная основа мира, становится творчество в широком смысле – творчество как творение и как искусство.

Воплощение красоты в произведении искусства уравнивается с актом Творца, создавшего «красоту зрелища» вселенной и, в то же время, с созданием *книги*, перенимающей импульс творения. Книга как произведение искусства отождествляется Б. Л. Пастернаком с сакральным словом-логосом, обладающим миромоделирующей функцией, рассматривается как его продолжение. Созидательный импульс творца реализуется в творчестве художника, поэтому в основе культуры, по мнению поэта, так же, как и в основе мироздания, лежит красота. Если мироздание становится способом трансляции красоты, создаваемой творцом, то произведения искусства становятся выражением красоты, создаваемой художником.

Понятия красоты, силы жизни и правды являются ключевыми в пастернаковском понимании жизни, они выступают как вневременные, априорные явления, стоящие выше произвольных «человеческих

установлений», всегда вписанных в контекст времени. Красота в понимании поэта может становиться способом включения явлений обыденного плана в другой, наделенный повышенной значимостью контекст: можно говорить о понимании поэтом красоты как основы, идеи, способной воплощаться в бытовых, обыденных явлениях, наполняя их сущностным для человека смыслом. Благодаря подключению к дискурсу красоты в художественном мире поэта осуществляется семиотизация образов, обозначающих жизненные явления. Художественное осмысление красоты мира, уже созданной и данной в «готовом» виде, репрезентируется на уровне частных воплощений красоты, ее трансляторами становятся образы конкретных жизненных явлений (природного и вещного миров, человека как части природного мира).

В Главе I – «**Мотивный уровень творчества Б. Л. Пастернака в художественной концептуализации красоты**» в качестве художественного выражения концепции красоты рассматривается ряд устойчивых мотивов, направленных на раскрытие красоты в мире обыденных явлений.

Одним из способов художественной репрезентации представления о красоте как основе жизни становится система мотивов, строящаяся вокруг инварианта *красота как сила жизни*. Рассматриваемая система мотивов выступает в качестве первого уровня художественной концептуализации красоты. Как правило, красота, воплощенная в каком-либо образе, становится знаком не столько внешней привлекательности, сколько красоты как первосущности самого явления. Именно сопряжение силы жизни и красоты в пастернаковском понимании делает невозможным отождествление красоты и эстетизма. В художественных текстах поэта прослеживается оппозиция красоты, понятой исходя из ее соотнесения с представлением о силе жизни, и красоты как «внешней», не связанной с внутренним, «жизненным» наполнением образа. Одним из приемов, позволяющих акцентировать органичность героя, его включенность в контекст жизни как основы мироздания становится наделение его красивой, но при этом лишенной «окаменелости» внешностью («Доктор Живаго»).

Взаимосоотнесенность в пастернаковской художественной концепции феноменов силы жизни и красоты определяет формулирование авторской концепций мира и человека. Являясь основой всего сущего, красота воплощается в конкретных жизненных явлениях, таких, как природа, человеческий мир, быт. Инвариантный мотив *красота как сила жизни* обладает рядом вариантов (мотивов *поруганной красоты, красоты как долженствования и красоты как жизнетворческого начала*).

Осмысление поэтом феномена красоты как одного из оснований мироустройства, его рассмотрение в контексте сакральных ценностей обуславливает формирование представлений о долге человека перед красотой. Художественным выражением этих представлений становится мотив *красоты как жизнетворческого начала*, который получает два направления реализации. Во-первых, он репрезентирует представление о красоте, исходящей от творца мира (воплощенного в образе Бога или пантеистически понятой природы). Этот путь воплощения красоты может быть условно назван передачей, трансляцией

уже существующей красоты, красоты природной. Во-вторых, мотив *красоты как житнетворческого начала* реализует представление о творчестве как акте, синонимичном акту творения и направленном на созидание красоты. Созидательный импульс, исходящий от творца, реализуется в творчестве художника, поэтому в основе культуры, по мнению поэта, так же, как и в основе мироздания, лежит идея прекрасного, а произведения искусства становятся воплощением красоты.

Мотивы *красоты как житнетворческого начала* и *красоты как долженствования* в произведениях Б. Л. Пастернака связаны с персонификацией красоты в конкретных образах. Персонификаторами красоты как основы мироздания выступают женские образы (например, в книге «Второе рождение», 1931). В пастернаковских текстах передается совершенство женской красоты, ощущение знаковости внешней красоты, не поддающейся объяснению с точки зрения обыденных представлений («Послесловье», 1921, «Памяти Рейснер», «Любить иных – тяжелый крест...» 1926 и др.).

Рассмотрение текстов Б. Л. Пастернака с точки зрения репрезентации концепции красоты и выделение ряда устойчивых мотивов, вариантных по отношению к инварианту *красота как сила жизни* позволяет сделать вывод о реализации представлений о красоте как одном из оснований жизни человека наряду с другими первоосновами бытия. Представление о нарушении основ мироустройства реализуется в мотиве *поруганной красоты*. Смысловым центром ряда произведений поэта становится реализация мотивов *красоты-рока*, *красоты-страдания* (начиная от образа дагомейских амазонок в «Охранной грамоте» через образ «Маруси тихих русских захолустий» к образу Лары в романе «Доктор Живаго»), что позволяет предположить связь с восходящей к символистам корреляцией образов женщины и России в творчестве Б. Л. Пастернака. Выраженное поэтом представление об извечной «страдательности» судьбы женщины становится знаком нарушения оснований мироздания. Лейтмотивный образ «страдающей красавицы», связанный с мотивом *поруганной красоты* проходит через все творчество поэта. Его можно интерпретировать как стремление к символическому воплощению нарушения основ мироустройства, ощущаемого как перманентное состояние жизни. В связи с этим становится возможной трактовка пастернаковского образа художника как призванного исправить это поругание в контексте стремления к возвращению красоте утраченного статуса и восстановления к изначальным основам миропорядка. В качестве примеров, наиболее ярко выражающих подобное понимание функции художника, можно привести образы Сергея и Игрека из «Повести», которых объединяет умение «странно» переживать красоту, в том числе поруганную красоту женщины, и стремление исправить это поругание.

В Главе II – «Книжная» метафорика как форма реализации концепции красоты в творчестве Б. Л. Пастернака» рассматривается второй уровень концептуализации красоты, который связан с художественным воплощением красоты, создаваемой человеком в процессе творчества. Творческий акт и создание книги как его вариант у Б. Л. Пастернака выступают

в качестве синонимичных моделей, реализация которых направлена на воплощение красоты, а описание их реализации в качестве одной из смысловых составляющих текста становится способом репрезентации красоты в художественном произведении.

В пастернаковской художественной системе на первый план выходит представление о книге как модели мира, что находит свое художественное выражение в структуре его поэтических книг и на образном уровне отдельных стихотворений. Способность «реконструировать» красоту в творчестве становится знаком внутренней свободы и сопричастности «общей лепке мира». Моделью, репрезентирующей в лирике поэта представление о творчестве как созидании красоты, становится модель книги, которая в своей основе восходит к креационистскому мифу о творении, интерпретируемому в качестве процесса эманации красоты.

В первом разделе Главы II – «Книжная» метафорика в лирических текстах поэта пастернаковская художественная система рассматривается в качестве одного из уровней концептуализации представлений о мире как *книге* или *тексте*. В творчестве Б. Л. Пастернака выделяется обширный ряд произведений, в которых смыслообразующим становится соотнесение явлений действительности и поэтического текста или книги (а также какой-либо ее части). К художественной репрезентации представлений о *книге как мире* и о *мире как книге* в лирике поэта можно причислить случаи многочисленного введения в стихотворные тексты соотнесения частных явлений действительности и «книжной» образности, их взаимоуподобления. В основе структурирования действительности по модели книги, характерного для художественного сознания Б. Л. Пастернака, лежит принцип метафорического «упорядочивания одного понятия в терминах другого» – принцип «структурной метафоры». Так, семантическая атрибуция образов достигается их включением в контекст книги как результата творческого процесса, синонимичного божественному акту творения, и, как следствие этого, их подключением к сфере красоты.

«Филологическая метафора» определяет семантику тех стихотворений поэта, в которых смысловым центром является процесс осмысления творчества, что может быть задано на уровне названия («Про эти стихи», «Определение поэзии» и т. п.), а также тех произведений, в которых на первый план выходит художественное осмысление не связанных с искусством аспектов. Реализация «филологической метафоры» начинает определять специфику авторского мифа («Быть знаменитым некрасиво...»). Помимо этого в лирических текстах Б. Л. Пастернака все формы реализации «филологической метафоры» репрезентируют представление о включенности в контекст *книги* как синонима *мира* различных явлений: культуры, истории, природы, человека, бытовых реалий и др.

«Книжная» метафорика становится одним из способов включения в контекст «книги истории» и шире, в контекст осмысления *мира как книги* образов героя («Мне хочется домой, в огромность...»), природного мира («Безвременно умершему», «Зовите это как хотите...»), образа возлюбленной и

любовных отношений («Любимая, молвы слащавой...» и «Красавица моя, вся статья...»). Мотив «вписывания» красоты возлюбленной в *книгу* или в стихотворение как ее часть выступает в качестве смыслообразующего в ряде текстов поэта («Ты здесь, мы в воздухе одном...», «Без названия»). Использование художественной модели *мир как книга* может быть направлено на создание образа человеческой истории как череды созидательных актов («Хлеб»).

Во втором разделе Главы II – «Структуро- и смыслообразующие факторы поэтических книг Б. Л. Пастернака» рассматриваются особенности функционирования двух художественных моделей: *книга как мир* и *мир как книга*. Структурный и семантический уровни отдельных книг поэта выявляют стремление автора к воплощению целостного взгляда на мир. Способом художественного выражения целостности и полноты мира становится обращение к модели *книга как мир*. В свою очередь, модель *мир как книга* предполагает включение явлений, принадлежащих плану «жизни», в текстовую реальность. Рассматриваемые нами модели, во многом противоположные, с наибольшей полнотой реализуются в двух книгах, наиболее значимых соответственно для раннего и позднего этапов пастернаковского творчества: «Сестра моя – жизнь» (1917) и «Когда разгуляется» (1956 – 1959).

В первом параграфе второго раздела – «Функции структурной метафоры *книга как мир* в сборнике «Сестра моя – жизнь» рассматривается один из вариантов художественной модели, в основе которой – соотнесение *книги* и *мира* – *книга как мир*. Художественная модель *книга как мир / жизнь* реализуется в комплексе семантических установок и структурных приемов, которые направлены на воплощение представления о *жизни* как синониме *красоты*.

Для художественной системы «Сестры моей – жизни» характерна реализация тенденции претворения «книжной», «текстовой» реальности в «жизненную». Книга лирики «Сестра моя – жизнь» становится не просто описанием мироздания, но и описанием самого процесса акта творения. В качестве творца выступает художник, а *книга* становится синонимична «Слову», понятому как изначальный Логос, обладающий жизнетворческими функциями. Можно говорить об определенной ориентации поэта на библейские образы и мотивы при создании «Сестры моей – жизни», о стремлении к воплощению созидательного акта в Слове, дублирующем установку на восприятие Библии как миромоделирующего Слова, и в то же время – о стремлении к трансформации схемы божественного созидательного акта.

В «Сестре моей – жизни» репрезентирована установка на создание *книги* как целостности, обладающей миромоделирующей функцией, что достигается благодаря акцентированию, выведению на поверхностный уровень элементов ее внешней композиции. Экспликация отдельных структурных элементов книги позволяет передать сам процесс ее сотворения. Акцентирование структурных элементов текста, например, наличия не только смыслообразующего заглавия, но и подзаголовка, сложной системы циклов и

др., обусловлено общей концепцией, предполагающей выстраивание отношений дублирования или «дописывания» между Библией и книгой стихов.

Во втором параграфе второго раздела Главы II – «Реализация структурной метафоры *мир как книга* в «Когда разгуляется» демонстрируется (что характерно для позднего творчества Б. Л. Пастернака) частичное восстановление восприятия мира как совокупности знаков благодаря обращению к художественной модели *мир как книга*. В пастернаковском варианте эта модель репрезентирует момент перетекания *жизни* в *культуру*. Ее репрезентация определяет, в основном, семантическое наполнение «Когда разгуляется».

Своеобразной манифестацией перетекания *жизни* в *культуру* становится эпиграф из романа М. Пруста «Обретенное время», который определяет специфику пастернаковской интертекстуальности, представляющую собой один из уровней реализации структурной модели *мир как книга*. Эпиграф из М.Пруста («Книга – это большое кладбище, где на многих плитах уже не прочесть стершиеся имена»), так же, как в «Сестре моей – жизни», определяет смысловую направленность книги и задает стремление к «стертой» интертекстуальности. Если в «Сестре моей – жизни» интертекстуальность носит «номинативный» характер¹, то семантика образа *книги*, заданная в эпиграфе к книге «Когда разгуляется», определяет стремление к приглушенной, «стертой» интертекстуальности.

Специфика «стертой» интертекстуальности не сводится только к неявному обращению к «чужому» слову. Одной из специфических особенностей книги становится направленность на автоцитацию, автометатекстуальность, которая может быть связана с осознанием «Когда разгуляется» как «финальной книги». Автоинтертекстуальность реализуется в нескольких вариантах. Во-первых, «отношения семантической эквивалентности» можно установить между рядом поэтических текстов книги и непоэтических высказываний (публицистического, эпистолярного характера) этого же периода. Вторым вариантом реализации автоинтертекстуальности становится комплекс отсылок к книге «Сестра моя – жизнь», намеченный в последней книге поэта.

Осмысление собственных произведений можно трактовать в контексте рассмотрения «Когда разгуляется» как «финальной книги» поэта. Обращение в «Когда разгуляется» к модели, во многом противоположной той, которая выступала в качестве основной в «Сестре моей – жизни», может быть связано с изменением представлений поэта о природе творчества и роли художника. Художник во многом выступает как демиург, создатель мира-книги как воплощения красоты. Образ художника раскрывается через символику стихии. Цикл, посвященный А. А. Блоку, становится единственным структурно выделенным циклическим образованием внутри книги. В названии цикла «Ветер. Четыре отрывка о Блоке» заложена возможность соотнесения образа

¹ Подробнее об интертекстуальных отсылках в книге «Сестра моя – жизнь» см., например: Смирнов И. П. Указ соч.

стихии, воплощением которой выступают в книге ветер, гроза, метель и т.п., и образа поэта-творца. В ряде текстов сборника художественная модель *мир как книга* реализуется благодаря обыгрыванию указанной синонимии.

Одним из уровней реализации установки на переход от «текста» *жизни* к тексту *книги* в «Когда разгуляется» становится изоморфизм образов, соотносимых с *книгой*. «Метафорическое упорядочивание одного понятия в терминах другого» предполагает возможность выявления в текстах поэта не только «книжного», но и музыкального, живописного, скульптурного и других кодов, которые выступают в качестве изоморфных вариантов по отношению к «филологической» метафоре. Образ *книги* в пастернаковском творчестве выступает как символическое воплощение образа мира и в этом качестве он становится изоморфен образам *сада* и *храма*. Использование различных вариантов структурной метафоры становится в текстах Б. Л. Пастернака средством реализации представления о синонимичности актов творения и творчества как направленных на воплощение красоты.

Смена смысло- и структуропорождающей модели в текстах Б. Л. Пастернака демонстрирует динамику и, в то же время, устойчивость представлений поэта о синонимичности актов творения и творчества.

В Главе III – «**Метасюжет в творчестве Б. Л. Пастернака в контексте концепции красоты**» рассматриваются особенности пастернаковского метасюжета, который становится наиболее высоким уровнем художественной концептуализации красоты.

В произведениях поэта частотно обращение к синонимичным сюжетам и сюжетным мотивам, которые складываются в единый сюжет метауровня – метасюжет. По своей семантике часть этих сюжетов и мотивов восходит к одному из древнейших «готовых сюжетов» мировой культуры – сюжету *о спящей / похищенной красавице*, который может быть рассмотрен в качестве форм репрезентации авторской концепции красоты. Обращение в качестве варианта метасюжета к сюжету *о спящей / похищенной красавице* показательно, оно интерпретируется как взаимопересечение двух основных семантических и структурных доминант в творчестве поэта: стремления к художественной концептуализации красоты и к изоморфности сюжетных оснований ряда произведений.

Архетипический сюжет *о спящей / похищенной красавице* является вариантной формой циклического сюжета как инварианта метасюжета. В контексте творчества Б. Л. Пастернака представляется возможным говорить о едином метасюжете, восходящем к базовому мифологическому мотивному комплексу «умирания – воскресения», который стал основой циклического сюжета. Исходя из представления об изоморфности всех вариантов реализации циклического сюжета, можно предположить возможность рассмотрения всей совокупности пастернаковских сюжетов, репрезентирующих архетипический циклический сюжет, в качестве одного из уровней репрезентации концепции красоты.

Реконструкция в творчестве Б. Л. Пастернака общей сюжетной схемы, восходящей к архетипическому мотиву *о спящей / похищенной красавице*,

становится возможной при анализе интертекстуальных и автобиографических отсылок в поэтической книге «Сестра моя – жизнь», в отдельных лирических текстах циклов «Стихи о войне» и «Стихотворения Юрия Живаго», а также в незавершенной пьесе «Слепая красавица».

Архетипический сюжет *о спящей / похищенной красавице* в «Сестре моей – жизни» рассматривается в качестве варианта пастернаковского метасюжета и трактуется в контексте его интерпретации в античной мифологии и позднейших литературных произведениях, связанных с мифом о Елене Прекрасной. Соотнесенность поэтической книги Б. Л. Пастернака с сюжетом о похищении Елены Прекрасной как вариантом интерпретации «готового сюжета» *о спящей / похищенной красавице* задана в эпиграфах и на образном уровне сборника.

В более поздних произведениях внимание к сюжету о похищенной красавице сохраняется, однако в творчестве поэта 1940-х гг. оказываются востребованными другие сферы его интерпретации – фольклорная сказка и литературные жанры, повествующие о подвигах святого (жития, апокрифы). Обращение к фольклору и духовной литературе как сферам рецепции указанного сюжета в более поздний период может быть связано с особенностями его авторской интерпретации. В качестве варианта первого сюжетобразующего мотива – *похищения красавицы*, выступает мотив *потери страны и жены*. Обращение к варианту сюжета *о спящей / похищенной красавице*, определяет специфику сюжетообразования в поэтических циклах Б.Л. Пастернака «Стихи о войне» и «Стихотворения Юрия Живаго» и использование в них драконоборческого мотива.

И мифологический, и фольклорный варианты сюжета *о спящей / похищенной красавице* восходят к представлению о смерти и возрождении. Рассмотрение авторской интерпретации драконоборческого мотива позволит дополнить исследование варианта пастернаковского метасюжета (*о спящей / похищенной красавице*), выступающего в качестве одного из уровней репрезентации художественной концепции красоты поэта.

В результате рассмотрения пастернаковской интерпретации циклического сюжета можно сделать вывод о специфике его художественного решения, которая заключается в акценте на необходимости восстановления статуса красоты как онтологического основания мира, как синонима витального начала. Утрата красоты начинает воплощать неполноту жизни. Художественным воплощением красоты в творчестве Б. Л. Пастернака может выступать образ женщины. В этом контексте обращение в качестве варианта циклического сюжета к сюжету *о спящей / похищенной красавице*, а именно к первому из структурных элементов этого сюжета – мотиву *похищения / потери*, реализует представление о нарушении статуса красоты и разрушении мироустройства. При этом отсутствие реализации второй из структурных составляющих сюжета – мотива возвращения, как, например, в книге стихотворений «Сестра моя – жизнь» или в романе «Доктор Живаго», становится символическим воплощением иссякновения красоты в мире.

Возможность восстановления утраченного статуса красоты, как правило, связывается с творческим актом как способом ее созидания.

Наиболее открыто сюжет *о спящей / похищенной красавице* в качестве варианта метасюжета реализуется в поздней пьесе Б. Л. Пастернака «Слепая красавица» (1959-1960). Сюжет пьесы «Слепая красавица», литературность которого задана на уровне названия, восходит к сюжету фольклорной сказки о спящей красавице как варианту интерпретации архетипической сюжетной схемы. Можно говорить о контекстуальной связи пастернаковского сюжета с символистской интерпретацией архетипического сюжета *о спящей / похищенной красавице*, так как в целом, для литературы первой половины XX века характерна актуализация рассматриваемого сюжета. Следует отметить, что пастернаковский вариант традиционного сюжета *о спящей / похищенной красавице* представляется новаторским. Мотив ослепления как вариант реализации мотива похищения не является частотным в мировой литературе. В пьесе Б. Л. Пастернака была намечена реализация второго из структурообразующих мотивов сюжета *о спящей / похищенной красавице* – мотива возвращения. В пастернаковском варианте – возвращения красавице утраченного зрения.

Так, в соответствии с пастернаковской концепцией, для возвращения красоте ее изначального положения необходимым является совершение некоего действия, направленного на восстановление полноты. В произведениях поэта в качестве действия, направленного на воссоздание первичной целостности, может выступать, во-первых, творческий акт («Повесть», «Доктор Живаго», «Слепая красавица»); во-вторых, революция, так же понимаемая, как одномоментный акт, как «чудесный» переворот, как возможность творческого переустройства мира, которое, в пастернаковском понимании, позволит изменить положение женщины («Второе рождение», «Доктор Живаго»); в-третьих, подвиг в духе Святого Георгия («Ожившая фреска», «Преследование», «Сказка»). Так, в финале незавершенной пьесы «Слепая красавица» возвращение зрения Луше – символическому воплощению России – становится возможным благодаря ее сыну, крепостному актеру Петру Агафонову: «В эпилоге Луша прозревает. Петр Агафонов водит ее по врачам и раньше. Но в эпилоге приезжает с ней из-за границы с возвращенным зрением» (IV, 873). Можно отметить, что, как и в стихотворении «Сказка» (одном из немногочисленных примеров реализации мотива возвращения как второго основного мотива в сюжете *о спящей / похищенной красавице*), в пьесе функциями «освободителя» наделяется именно герой-художник (по сюжету пьесы Петр Агафонов – актер). Подобная тенденция может быть связана с представлениями о жизнетворческом потенциале искусства, о его способности воплощать красоту и восстанавливать утраченную ею полноту.

«Сдвиг» в трактовке традиционного сюжета (обращение к мотиву *потери страны и жены*) акцентирует внимание на социально-политической проблематике, которая, вместе с тем, продолжает рассматриваться в контексте представлений о «попрании» красоты как знаке нарушения мироустройства. В творчестве Б. Л. Пастернака намечена реализация мотива «возвращения»,

семантика которого связана с представлением о восстановлении красоты в исходном статусе и об обретении миром его первоначальной целостности.

В **Заключении** представлены основные научные результаты проведенного исследования, подводятся итоги анализа репрезентации концепции красоты в творческом наследии Б. Л. Пастернака, определяются особенности ее динамики в контексте творчества поэта, излагаются общие выводы диссертационной работы. Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что художественная концепция красоты является универсальной, мета-содержательной единицей пастернаковского творчества, становится глубинным основанием его художественной системы, выступает в качестве смысло- и структуропорождающего механизма в произведениях поэта.

К перспективам исследования в рамках выработанной в диссертации методики рассмотрения красоты как авторского языка описания мира относится возможность концептуализации феномена красоты как смыслообразующего для творчества ряда других поэтов XX в. и возможность формирования нового взгляда на целостность их художественного мира.

Основные положения диссертационного исследования отражены в семи публикациях.

Статьи в рецензируемых ВАК изданиях:

1. Бинарные структуры в сборнике Б. Пастернака «Близнец в тучах»: к проблеме трагического // Вестник Чувашского университета. Сер. Гуманитарные науки. – № 4. – 2008. – С. 292 – 298.
2. Эстетическая доминанта в двух редакциях сборника Б. Пастернака «Поверх барьеров» // Вестник Поморского университета. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». – № 7. – 2009. – С. 189 – 192.
3. Метасюжет творчества Б. Пастернака в контексте концепции красоты // Вестник Татарского Государственного гуманитарно-педагогического университета. – № 1. – 2010. – С. 82 – 86.

Статьи:

4. Идеи красоты и прекрасного в наследии Б. Пастернака // Вопросы языка и литературы в современных исследованиях. Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействия. IX Кирилло-Мефодиевские чтения». 13 – 16 мая 2008 года. – М.: РЕМДЕР, 2008. – С. 268 – 272.
5. Эстетическая семантика лирики Б. Пастернака: философия жизни (на материале книг «Сестра моя жизнь» и «Темы и вариации») // Вопросы языка и литературы в современных исследованиях. Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействия. X Юбилейные Кирилло-Мефодиевские чтения». 12 – 14 мая 2009 года. – М.: РЕМДЕР, 2009. – С. 303 – 307.
6. Художественно-эстетический феномен провинции в творчестве Б.Пастернака // Вестник Татарского Государственного гуманитарно-педагогического университета. – № 1 (16). – 2009. – С. 69 – 72.
7. Структурная метафора мир как книга в стихотворениях Б. Пастернака // Материалы VII Республиканской научно-практической конференции «Литературоведение и эстетика в XXI веке» («Татьянин день»), посвященной памяти Т. А. Геллер. 25-27 января 2010 г. – С. 74 – 79.